

*В память о моей маме,
Руби Цзюйчун Том*

Мы называли его Икаром.

Разумеется, на самом деле его звали по-другому. Из своего детства, проведенного на ферме, я вынес, что никогда нельзя давать имя животному, выбранному на убой. Вместо этого ты называешь его Свинья номер один или Свинья номер два и стараешься никогда не смотреть ему в глаза, чтобы даже мельком не заметить в них осознанности, индивидуальности или привязанности. Если скотина доверяет тебе, придется долго набираться смелости, чтобы перерезать ей горло.

С Икаром все было совсем по-другому: он вовсе не испытывал к нам доверия и вообще не подозревал о том, кто мы. Зато мы знали о нем очень многое. Нам было известно, что он живет на окраине Рима, в вилле на вершине холма, огородившись высоким забором. Что у него и его жены Лусии двое сыновей — восьми и десяти лет. Что, несмотря на несметное богатство, Икар предпочитает простую еду и местный ресторанчик «Ла Нонна»¹, где обедает почти каждую неделю по четвергам.

А еще — что он чудовище. Именно по этой причине мы и приехали в Италию тем летом.

Охота на чудовищ — не для слабонервных. И не для тех, кого сдерживают банальные теории вроде права

¹ La nonna — бабушка (ит.).

и государственных границ. В конце концов, чудовища никогда не играют по правилам, значит и нам это непозволительно. Конечно, если мы надеемся одержать верх.

Однако, отказываясь от общепринятых норм поведения, ты сам рискуешь превратиться в чудовище. Именно так и случилось тем летом в Риме. Только тогда я этого не понял, никто из нас этого не понял.

А потом было уже поздно.

В ту самую ночь, когда тринадцатилетняя Клэр Уорд из Итаки должна была бы умереть, она стояла на оконном карнизе своей спальни на третьем этаже и пыталась решить, стоит ли прыгать. Внизу, примерно в двадцати футах, росли давно отцветшие лохматые кусты форсайтии. Они смягчат падение, однако переломов костей, скорее всего, не избежать. Клэр перевела взгляд чуть дальше, на клен, на прочную ветвь, изгибавшуюся дугой всего в паре футов от нее. Такой прыжок Клэр еще ни разу не совершала — просто не было острой необходимости. До нынешнего вечера ей удавалось выскользывать из входной двери так, что никто не замечал. Однако времена легких побегов закончились, потому что теперь за ней следит Нудный Боб. «С этого момента, юная леди, — заявил он, — вы остаетесь дома! Нечего бежать по темному городу, словно дикая кошка».

«Если в этом прыжке я сломаю себе шею, — решила Клэр, — виноват будет Боб».

Да, ветка клена и впрямь недалеко от нее. Клэр есть куда пойти, с кем встретиться, и она не может до бесконечности торчать здесь, взвешивая свои возможности.

Девочка пригнулась, изготавливаясь к прыжку, и внезапно замерла — из-за угла, сверкая фарами, выехала машина. Слово черная акула, внедорожник скользнул

у нее под окном и медленно проехал по тихой улице, будто разыскивая нужный дом. Не наш, решила Клэр, — в обителище ее приемных родителей, Нудного Боба и такой же нудной Барбары Бакли, никогда не появлялось интересных посетителей. У них даже имена были скучными, что уж говорить о беседах за ужином. «Как прошел твой день, дорогой?» — «А твой?» — «Погода улучшается, верно?» — «Не передашь мне картошку?»

В их заумном педантичном мире Клэр была чужой — ребенком, которого они не понимали, несмотря на все старания. А Боб и Барбара очень старались. Клэр должна была бы жить у художников, актеров или музыкантов, у тех, кто не спал по ночам и умел веселиться. У таких же, как она сама.

Черная машина исчезла. Теперь — или никогда.

Клэр сделала глубокий вдох и прыгнула. Летя во тьме, она чувствовала, как ночной ветер свистит в ее длинных волосах. Клэр перемахнула на клен грациозно, словно кошка, и ветка вздрогнула под ее весом. Проще простого. Девочка перебралась чуть пониже, к следующей ветке, и уже собралась было прыгнуть, как перед ней опять возник внедорожник. Урча двигателем, автомобиль снова проскользнул мимо. Девочка наблюдала за ним, пока внедорожник не исчез за углом, а затем соскочила на влажную траву.

Клэр оглянулась на дом, ожидая, что сейчас из передней двери вылетит Боб и примется орать: «Немедленно вернитесь домой, юная леди!» Однако фонарь на крыльце так и не включился.

Можно начать ночные похождения.

Девочка застегнула молнию на своей фуфайке с капюшоном и направилась в торговый район города, в самую гущу событий, если это, конечно, можно так назвать.

В нынешний поздний час улица была тихой, а большинство окон — темными. Здесь повсюду стояли почти пряничные домики, идеальные, словно с картинки; эту улицу населяли профессора колледжей и безглутеновые мамы-веганки, все как одна состоящие в книжных группах¹. «Десять квадратных миль, окруженных суровой действительностью», — ласково описывал Боб свой город, однако и он, и Барбара чувствовали себя здесь прекрасно.

А где чувствовала себя прекрасно Клэр, она не знала.

Широко шагая и разбрасывая изношенными сапогами сухую листву, девочка перешла улицу. Через квартал от нее в озерце фонарного света курили трое подростков — два парня и девчонка.

— Привет! — крикнула им Клэр.

Тот парень, что повыше, помахал ей рукой.

— Привет, Клэр Эклер. Я слышал, тебя снова засадили в четыре стены.

— Секунд на тридцать примерно. — Девочка взяла прикуренную сигарету, которую подал ей парень, глубоко затянулась и радостно выпустила дым. — И какие же у нас планы на сегодня? Что будем делать?

— Я слышал, будет вечеринка, там, у водопадов. Но нам придется найти машину.

— А как же твоя сестра? Она могла бы нас довезти.

— Не, ключи от ее машины забрал папа. Давайте потусуемся здесь — вдруг еще кто объявится. — Парень умолк и, нахмурившись, взглянул через плечо Клэр. — Ой-ой. Погляди, кто прибыл.

Девочка обернулась и раздраженно застонала — прямо возле нее у тротуара притормозил темно-синий

¹ *Книжные группы* — группы людей, собирающиеся чаще всего в библиотеках или книжных магазинах и обсуждающие прочитанные книги. Такой тип общения очень распространен в США. — *Здесь и далее примеч. перев.*

«сааб». Пассажирское окошко опустилось, и Барбара Бакли скомандовала:

— Клэр, полезай в машину.

— Но я просто тусуюсь с друзьями.

— Сейчас почти полночь, а завтра нужно идти в школу.

— Но ведь я не делаю ничего противозаконного.

— Немедленно полезайте в машину, юная леди! — повелел Боб Бакли с водительского сиденья.

— Вы мне не родители.

— Но мы несем за тебя ответственность. Наша задача — правильно воспитать тебя, именно это мы и пытаемся сделать. Если ты немедленно не отправишься с нами домой, ты... ты пожалеешь!

«Ага, так страшно, я вся трясусь», — подумала Клэр. Она хотела было рассмеяться, но вдруг заметила, что Барбара в халате, а Боб не причесан — волосы на одной половине его головы были взлохмачены. Супруги так торопились за ней, что даже не успели одеться. Оба выглядели куда старше и изнуренней, чем обычно; взъерошенная парочка среднего возраста — из-за Клэр им пришлось подняться с постели, и завтра они проснутся без сил.

— Я понимаю, что мы тебе не родители, Клэр, — устало вздохнула Барбара. — Понимаю, что тебе очень не нравится жить у нас, но мы стараемся делать все, что можем. Поэтому, пожалуйста, сядь в машину. Здесь небезопасно.

Клэр с раздражением глянула на друзей, забралась на заднее сиденье «сааба» и хлопнула дверцей.

— Всё? — спросила она. — Довольны?

Боб обернулся к девочке.

— Да дело-то не в нас. Дело в тебе. Мы поклялись твоим родителям, что всегда будем присматривать за тобой. Если бы Изабель была жива, она страшно рас-

строилась бы, увидев тебя сейчас. Вот такую — неуправляемую и все время злую. Клэр, тебе представился второй шанс, и это настоящий подарок. Не бросайся им, пожалуйста. — Боб вздохнул. — А теперь пристегнись, хорошо?

Если бы он злился, если бы орал на нее, Клэр было бы проще. Но Боб смотрел на девочку так печально, что она почувствовала себя виноватой. За то, что вела себя как стерва, что бунтовала в ответ на добро. Ведь семейство Бакли не виновато в гибели ее родителей. И в том, что жизнь ее пошла кувырком, — тоже.

Они отъехали. Клэр обхватила себя руками — девочка раскаивалась, но была слишком горда, чтобы попросить прощения. «Завтра я буду с ними нежнее, — решила она. — Помогу Барбаре накрыть на стол, а может быть, даже помою Бобу машину. Потому что, черт возьми, его тачке это не помешает».

— Боб, — спросила Барбара, — а что там делает эта машина?

Зарычал двигатель. Светящиеся фары с грохотом уткнулись прямо в них.

— Боб! — завизжала Барбара.

От удара ремень безопасности больно врезался в грудь Клэр, и ночь взорвали жуткие звуки. Бьющееся стекло. Сминаемый металл. И чей-то плач, хныканье. Открыв глаза, Клэр увидела, что мир перевернулся, и поняла: хнычет она сама.

— Барбара! — шепотом позвала девочка.

Она услышала приглушенный хлопок, затем еще один. Почувствовала запах бензина. Ее удерживал ремень безопасности и так сильно врезался ей в ребра, что Клэр с трудом дышала. Девочка нащупала замок. Ремень, щелкнув, расстегнулся, и она сильно ударилась головой — боль стрельнула в шею. Клэр чудом удалось вывернуться и оказаться в положении лежа — так она

видела разбитое окно. Запах бензина усилился. Девочка изогнулась, чтобы добраться до окна; она представляла себе страшный жар и плоть, запекшуюся у нее на костях. «Вылезай, вылезай же! — скомандовала она себе. — У тебя еще есть время спасти Боба и Барбару!» Клэр ударила кулаком по оставшимся истрескавшимся фрагментам стекла, и они рассыпались по мостовой.

В поле зрения Клэр возникли две ступни — ноги остановились напротив девочки. Она пристально вгляделась в мужчину, перегородившего ей выход. Но лица не увидела — только силуэт. И пистолет.

С ревом и визгом шин на них помчалась другая машина.

Клэр рывком спряталась в «сааб», вернувшись в безопасное место, словно черепаха, укрывающаяся в своем панцире. Отстранившись от окна, девочка накрыла голову руками и стала ждать: отзовется ли выстрел болью на этот раз? Почувствует ли она, как пуля разорвется в ее черепе? Девочка так плотно свернулась калачиком, что слышала лишь собственное дыхание, шум собственного пульса.

Она не сразу разобрала, что кто-то зовет ее по имени.

— Клэр Уорд? — Голос был женским.

«Наверное, я умерла, — решила девочка. — И со мной говорит ангел».

— Он ушел. Теперь ты спокойно можешь выйти наружу, — сообщил ангел. — Но тебе нужно поторопиться.

Клэр открыла глаза и сквозь пальцы посмотрела на лицо, показавшееся в проеме разбитого окна; женщина глядела на нее вполборота. Тонкая рука потянулась к девочке, но та отстранилась.

— Он вернется, — заверила женщина, — надо поторапливаться.

Клэр ухватила за протянутую руку, и незнакомка вытащила девочку наружу. Когда Клэр оказалась на

мостовой, разбитое стекло зазвенело под ней, словно ливень, бьющий в окно. Девочка слишком резко села, и ночной пейзаж поплыл вокруг. Она лишь успела ухватить взглядом неясные очертания перевернутого «сааба» и снова опустила голову.

— Встать можешь?

Клэр медленно подняла взгляд. Женщина была одета во все черное. Волосы, светлые и настолько блестящие, что в них отражался слабый свет фонаря, были собраны в хвост.

— Кто вы? — прошептала девочка.

— Как меня зовут, не имеет значения.

— Боб... Барбара... — Клэр взглянула на перевернутый «сааб». — Мы должны вытащить их из машины! Помогите мне!

Девочка подползла к водительской дверце и резко распахнула ее.

На мостовую вывалился Боб Бакли, его широко распахнутые глаза ничего не выражали. Клэр посмотрела на оставленное пулей отверстие в его виске.

— Боб, — простонала она. — Боб!

— Ему уже нельзя помочь.

— Барбара... А как же Барбара?

— Слишком поздно. — Женщина ухватила Клэр за плечи и с силой встряхнула. — Они погибли, понимаешь? Они оба погибли.

Клэр покачала головой, не отрывая глаз от Боба. От лужи крови, которая, словно темный нимб, расплывалась вокруг его головы.

— Этого не может быть, — прошептала девочка. — Это не могло повториться.

— Пойдем, Клэр. — Незнакомка схватила ее за руку и помогла подняться на ноги. — Пойдем со мной. Если, конечно, хочешь остаться в живых.

В ту ночь, когда Уилл Яблонски должен был бы умереть, он стоял в темноте на одном из полей Нью-Гемпшира и искал пришельцев.

Для своей «охоты» мальчик собрал все необходимое оборудование. Например, десятидюймовый добсоновский телескоп, зеркало которого он собственноручно отшлифовал три года назад, когда ему было всего-навсего одиннадцать лет. Это заняло у Уилла два месяца: начав с грубой наждачной бумаги зернистостью 80, он продолжал придавать форму стеклу и полировать его все более и более мелким наждаком. С папиной помощью он соорудил свою собственную альт-азимутальную монтировку. Двадцатипятимиллиметровый окуляр Плёссла был подарком дяди Брайана, он же помогал Уиллу вытаскивать все это оборудование в поле после ужина, в те дни, когда небо было ясным. Однако дядя Брайан был жаворонком, а не совой, вот почему к десяти вечера он заканчивал все дела и ложился спать.

Поэтому тем вечером, как и почти каждую безлунную ночь, когда небо не закрывали облака, Уилл стоял один на поле, расположенном позади фермерского дома его тети и дяди, и пытался отыскать вверху косматых пришельцев, которых иначе называют кометами. Если мальчик когда-нибудь обнаружит новое небесное

тело, он будет точно знать, как его назвать. Комета Нила Яблонски, в честь погибшего отца. Астрономы-любители постоянно открывают новые кометы, почему бы четырнадцатилетнему подростку не сделать то же самое? Папа как-то сказал ему, что для этого необходимы лишь упорство и натренированный глаз, а еще — большая удача. «Это похоже на поиски сокровищ, Уилл, — говорил папа. — Вселенная напоминает пляж, а звезды — словно песчинки, скрывающие за собой то, что ты ищешь».

Охота за сокровищами не надоедала Уиллу. Мальчик с неизбывным восторгом ожидал момента, когда они с дядей Брайаном вытащат оборудование и установят его под темнеющим небом; каждый раз он предвкушал, что эта ночь та самая, именно сегодня он обнаружит Комету Нила Яблонски. И тогда все его старания оправдаются, а бесчисленные ночные бдения принесут плоды — бдения, во время которых он подкреплял силы горячим шоколадом и сладкими батончиками. Тогда незрешными покажутся даже оскорбления, нанесенные бывшими одноклассниками из Мэриленда: «Толстяк! Зефирный Стэй Пафт!»¹

Охота за кометами — не то увлечение, которое делает человека загорелым и подтянутым.

Сегодня, как всегда, Уилл начал поиски вскоре после наступления сумерек, потому что кометы особенно хорошо видны сразу после заката или перед восходом солнца. Дневное светило зашло уже несколько часов назад, однако косматых шариков мальчик так и не приметил. Он увидел несколько прошедших над его головой спутников и один метеор, вспыхнувший на долю секунды, но больше ничего необычного в этом участке неба не появилось. Уилл направил телескоп на другой учас-

¹ *Стэй Пафт* — персонаж комиксов и мультсериала «Охотники за привидениями», огромный злодей-морячок, сделанный из зефира.

ток, и тут же в поле его зрения появилась самая нижняя звезда Canes Venatici — созвездия Гончих Псов. Мальчик вспомнил ту ночь, когда отец впервые сказал ему, как оно называется. Ту самую холодную ночь, когда они не ложились до рассвета, попивали напитки из термоса и ели...

Внезапно Уилл дернулся и, обернувшись, посмотрел назад. Что за шум? Какое-то животное — или это просто ветер шелестит в ветвях деревьев? Он замер, прислушиваясь, однако ночь стала какой-то неестественно тихой, такой тихой, что громким казалось даже его собственное дыхание. Дядя Брайан утверждал, что в здешнем лесу нет ничего опасного, но сейчас, во тьме, оставшемуся в одиночестве Уиллу на ум пришла целая куча зубастых чудовищ. Черные медведи. Волки. Пумы.

Мальчик с тревогой повернулся к своему телескопу и немного изменил поле зрения. И вдруг в окуляре возник косматый шарик. «Я нашел ее! — обрадовался Уилл. — Нашел комету Нила Яблонски!»

Нет. «Нет, дурачок, — мысленно обратился к себе мальчик, — это не комета». Поняв, что он смотрит на шаровое скопление МЗ, Уилл разочарованно вздохнул. Любой нормальный астроном сразу узнал бы это скопление звезд. Слава богу, он не бросился будить дядю Брайана, чтобы показать ему находку, — вот было бы неудобно!

Треск ветки снова заставил его обернуться. В лесу какое-то шевеление. Там определенно что-то есть.

Взрыв отбросил его вперед. Мальчик ничком упал на устланную дерном землю и некоторое время лежал, оглушенный ударом. Мигнул какой-то свет, затем стал ярче; Уилл поднял голову и увидел, что лесная чаща озарилась мерцающим оранжевым сиянием. Мальчик ощутил жар на своей шее, словно на него дыхнуло какое-то чудовище. И обернулся.

Фермерский домик был объят огнем, языки пламени взметнулись вверх, словно пальцы, скребущие по небесам.

— Дядя Брайан! — заорал Уилл. — Тетя Линн!

Мальчик помчался к дому, но путь преградила огненная стена, и жар заставил Уилла отступить — жар такой силы, что у мальчика пересохло в горле. Отшатнувшись, Уилл споткнулся и, задыхаясь, ощутил запах собственных опаленных волос.

«Позови на помощь! — велел себе мальчик. — Позови соседей!» Уилл повернулся к дороге, но, пробежав всего несколько шагов, остановился.

Ему навстречу шла женщина. Незнакомка, одетая во все черное, поджарая, как пантера. Ее светлые волосы были убраны в хвост; свет мигающего фонарика добавлял остроты чертам ее лица.

— Помогите! — закричал Уилл. — Мои тетя и дядя... Они в том доме!

Незнакомка взглянула на здание, почти полностью поглощенное огнем.

— Прости. Но уже поздно.

— Нет, еще не поздно. Мы должны спасти их!

Женщина грустно покачала головой:

— Я не в силах помочь им, Уилл. Зато тебе я помогу. Я могу спасти тебя. — Она протянула мальчику руку. — Пойдем со мной. Если, конечно, хочешь жить.

З

Некоторых девчонок очень украшает розовый цвет, и они, нацепив кружева и банты, шуршат себе шелковой органзой и при этом выглядят очаровательными и женственными.

Джейн Риццоли не относилась к их числу.

Она стояла в комнате мамы, пристально разглядывая в зеркале собственное отражение в полный рост, и думала: «Пристрелите меня! Пристрелите немедленно!» Платье-колокол цвета ярко-розовой жвачки, с вырезом, отделанным широоченной оборкой, которая по размеру вряд ли уступала клоунскому воротнику. Пышная юбка из бесконечных рядов нелепых оборок. Пояс вокруг талии, завязанный огромным бантом. Даже Скарлетт О'Хара ужаснулась бы.

— О, Джени, смотри-ка! — воскликнула Анжела Риццоли, радостно хлопнув в ладоши. — Ты так красива, что теперь произведешь даже бóльший фурор, чем я. Ты ведь в восторге, верно?

Джейн сощурилась — она была настолько потрясена, что не могла произнести ни слова.

— Конечно же, тебе придется надеть туфли на высоком каблуке, чтобы получился комплект. Думаю, подойдут атласные шпильки. А еще нужен букет из розовых роз с гипсофилой. Или это уже не модно? Как думаешь,

с каллами или чем-то в этом роде я буду выглядеть более современно?

— Мам...

— Мне придется немного ушить талию. Как так получилось, что ты похудела? Плохо питаешься?

— Ты серьезно? Неужели ты действительно хочешь, чтобы я надела это платье?

— А в чем дело?

— Оно же... розовое.

— И ты в нем прекрасно выглядишь.

— Ты *когда-нибудь* видела меня в розовом?

— Я шью точно такое же маленькое платьице для Реджины. Вы будете просто прелестны! Мама и дочка в одинаковых платьях.

— Реджина прелестна, а вот я — нет.

У Анжелы начала подрагивать губа. Знак не менее зловещий, чем первое трепетание на сигнальном табло ядерного реактора.

— Я все выходные трудилась над этим платьем. Собственными руками делала каждый стежок, пришивала каждую оборочку. А ты не хочешь его надевать даже на мою свадьбу!

Джейн нервно сглотнула.

— Я этого не говорила. Вернее, имела в виду не совсем это.

— Ну я же вижу по твоему лицу! Оно тебе совершенно не нравится.

— Нет, мам, это *великолепное* платье, — возразила Риццоли, а про себя добавила: «Для какой-нибудь чертовой Барби — возможно».

Опустившись на кровать, Анжела испустила вздох, достойный умирающей героини.

— Знаешь, возможно, нам с Винсом нужно было просто сбежать. Это всех обрадовало бы, правда? Тогда

мне не пришлось бы сражаться с Фрэнки. Не пришлось бы волноваться, кого включили, а кого не включили в список приглашенных. А тебе не пришлось бы надевать это ненавистное платье.

Джейн уселась на кровать рядом с мамой, и органза раздулась у нее на коленях, словно огромный шар сахарной ваты. Риццоли примяла ее кулаком.

— Мам, ты даже толком не развелась. Свадьбу можно планировать сколько угодно. Тебе не кажется, что в этом есть своя прелесть? Никуда не нужно торопиться.

Услышав звонок в дверь, Джейн подняла глаза.

— Винс не хочет ждать. Знаешь, что он мне сказал? Говорит, хочу заявить свои права на невесту. Разве не прелесть, а? Я чувствую себя как в той песне Мадонны. Словно я снова девственница.

Джейн даже подскочила.

— Пойду открою дверь.

— Нам нужно было просто взять и пожениться в Майами! — крикнула Анжела в спину дочери. — Это было бы куда проще. Да и дешевле, потому что не пришлось бы кормить всех родственников!

Джейн открыла дверь. На пороге стояли двое мужчин, которых ей совсем не хотелось бы видеть этим воскресным утром.

— Это еще что за уродское платье? — усмехнулся ее брат Фрэнки, заходя в дом.

Вслед за ним вошел отец Риццоли, Фрэнк-старший, и объявил:

— Я пришел поговорить с твоей матерью.

— Пап, сейчас не лучший момент, — возразила Джейн.

— Я пришел. Значит, момент подходящий. Где она? — спросил Фрэнк, оглядывая гостиную.

— Не думаю, что мама захочет говорить с тобой.

— Ей придется это сделать. Пора положить конец безумию.

— Безумию? — возмутилась Анжела, выходя из своей комнаты. — Это кто тут толкует о безумии?

— Фрэнки говорит, ты действительно занимаешься этим, — ответил отец Джейн. — Ты правда собралась выйти за того человека?

— Винс предложил. Я согласилась.

— А как же тот факт, что мы все еще женаты?

— Это всего лишь бумажная волокита.

— Но я не подпишу документы.

— Что?

— Я сказал, что не подпишу бумаги. И ты не выйдешь замуж за этого типа.

Анжела потрясенно усмехнулась:

— Но ведь это же ты ушел от меня.

— Я не знал, что ты изменишься и соберешься замуж!

— А что я должна была делать — сидеть и тосковать из-за того, что ты ушел от меня к ней? Я еще молода, Фрэнк. И нравлюсь мужчинам. Они хотят спать со мной!

— Боже мой, мама! — простонал Фрэнки.

— И знаешь что? — не унималась Анжела. — У меня никогда не было такого хорошего секса!

Джейн услышала, что в маминой комнате зазвонил ее телефон. Не обратив на него внимания, Риццоли схватила отца за руку:

— Папа, думаю, тебе лучше уйти. Пойдем, я провожу тебя.

— Я очень рада, что ты ушел от меня, Фрэнк, — продолжала Анжела. — Я снова начала жить и узнала, что значит быть желанной.

— Ты моя жена. И все еще принадлежишь мне.

Мобильный Джейн, ненадолго умолкнув, снова начал настойчиво звонить: не обращать внимания было невозможно.

— Фрэнки, — взмолилась она, — помоги мне, ради всего святого! Уведи его из дома.

— Пойдем, пап, — сказал Фрэнки, хлопнув отца по спине. — Пойдем выпьем пивка.

— Я еще не закончил.

— Закончил, закончил, — возразила Анжела.

Джейн помчалась в мамину комнату и выудила из сумочки свой разрывающийся мобильный.

— Риццоли, — сказала она, стараясь не обращать внимания на ругань в коридоре.

— Ты нам нужна, — объявил детектив Даррен Кроу. — Когда ты сможешь приехать?

Никаких тебе вежливых преамбул, никаких «пожалуйста» и «не могла бы ты?» — Кроу был, как обычно, очень мил.

— Я сегодня не на вызовах, — не менее грубо ответила Джейн.

— Маркетт собрал три команды. Дело веду я. Фрост только что прибыл, но нам понадобится женщина.

— Я не ослышалась? Ты действительно сказал, что тебе нужна помощь женщины?

— Послушай, свидетель настолько потрясен, что почти ничего не говорит. Мур уже пытался беседовать с парнишкой, но считает, что тебе повезет гораздо больше.

«Парнишка». От этого слова Джейн замерла.

— Ваш свидетель — ребенок?

— На вид лет тринадцать-четырнадцать. Он один выжил.

— А что случилось?

В трубке были слышны чьи-то отдаленные голоса, до Джейн донеслись отрывистый диалог специалистов, работавших на месте происшествия, и эхо многочисленных шагов, отражавшееся от пола с твердым покрытием. Она прекрасно представляла себе, как Кроу со своей голливудской стрижкой важно рассказывает посреди всей этой суеты, выпятив грудь и расправив плечи.

— Да тут долбаная кровавая баня, — сообщил он. — Пятеро убитых, из них трое детей. Младшей девочке едва ли восемь лет исполнилось.

«Я не хочу это видеть, — подумала Джейн. — Особенно сегодня. Да и в любой другой день».

— А где вы? — заставила она себя выговорить.

— Дом находится на Луисбург-сквер. Тут до черта новостных фургонов, так что тебе придется припарковаться в квартале-другом отсюда.

Джейн удивленно моргнула:

— Это произошло на Бикон-Хилле?

— Да, богатых иногда тоже грохают.

— А кто погибшие?

— Бернارد и Сесилия Акерман, пятьдесят и сорок восемь лет. И три их приемные дочери.

— А выживший мальчик? Тоже их сын?

— Нет. Его зовут Тедди Клок. Он несколько лет жил у Акерманов.

— Жил у них? Он что, родственник?

— Нет, — ответил Кроу. — Они взяли парня на воспитание.